

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОНЬРКО

доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом древнерусской литературы
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
nponyrko@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА ГЕРОНТИЯ (ЛАКОМКИНА))

Рассматривается понятие «древнерусская литература после Древней Руси». На материале Духовного завещания старообрядческого епископа Геронтия, написанного в XX веке, показаны глубинные связи старообрядческих сочинений нового времени с памятниками древнерусской литературы, ее мотивами, сюжетами и жанрами, с ее художественными приемами. Духовные завещания русских церковных иерархов XV–XVII веков, молитвенные тексты Феодосия Печерского, послания протопопа Аввакума обнаруживаются в художественном подтексте завещания-проповеди Геронтия. В этом проявляется живая связь старообрядческой литературы с русской культурной традицией.

Ключевые слова: древнерусская литература, старообрядчество, духовные завещания русских церковных иерархов, молитва Феодосия Печерского, боярыня Морозова, протопоп Аввакум

Для цитирования: Поньрко Н. В. Древнерусская литература после Древней Руси (духовное завещание старообрядческого епископа Геронтия (Лакомкина)) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.371

ВСТУПЛЕНИЕ

В своем грандиозном труде, осветившем с удивительной полнотой основные аспекты истории и культуры старообрядчества от начала раскола до середины XX века [7], Елена Михайловна Юхименко не могла обойти вниманием такую значимую в старообрядческом мире фигуру, как епископ Геронтий (Лакомкин). Она дает обзор деятельности епископа Геронтия, характеризует развитие Громовского центра в Петербурге, публикует (среди богатейшего и иллюстративного материала книги, издаваемого в большинстве случаев впервые) факсимильное воспроизведение автографа Исповедания веры Геронтия, данного им при епископской хиротонии, приводит переписку святителя с митрополитом Мелетием по поводу новосозданной службы протопопу Аввакуму, цитирует большой фрагмент из Воспоминаний владыки в разделе о сталинских репрессиях 30–40-х годов [7: 197–207, 453, 526–544]. В данном случае, как и во множестве других, Елена Михайловна раскрывает ранее неизвестные или мало известные широкой аудитории страницы нашей истории, позволяя тем самым по-новому взглянуть на особенности развития русской культуры.

В настоящей статье я предлагаю рассмотреть Духовное завещание епископа Геронтия с точки зрения понятия «древнерусская литература после Древней Руси», помогающего разглядеть ту часть русской культуры, которая досталась нам от Древней Руси, преемственно просуществовав до наших дней в старообрядческой среде. Понятие «древнерусская литература после Древней

Руси» было выработано в то время, когда задумывалось создание двадцатитомной книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси»: тогда редколлегией нового издания для будущего заключительного тома серии и было сформулировано это понятие, предполагавшее охватить тот комплекс литературных памятников XVIII–XX веков, который продолжал сохранять, в большей или меньшей степени, господствующий дух древнерусской литературы и приверженность к ее жанрам.

Господствующий дух древнерусской литературы – это, прежде всего, ощущение постоянного Божьего присутствия, запечатленное во всех без исключения ее памятниках. Когда этот дух воплощается в сочинениях новейшего времени, при сохранении ими связей с древнерусскими литературными мотивами, сюжетами и жанрами, с традициями древнерусской поэтики, тогда мы видим перед собой произведения словесности, которые можно охарактеризовать названным понятием.

Большинство таких произведений находятся вне главенствующей линии развития русской литературы XVIII–XX веков, как она сложилась со времен реформ Петра I, что объясняется той культурной ситуацией, которая установилась в России к началу XVIII века. В свое время Владимир Павлович Рябушинский – представитель известной старообрядческой династии промышленников, закончивший жизнь в эмиграции бессменным главой общества «Икона» при Сергиевском институте в Париже, в работе 1936 года «Старообрядчество и русское религиозное чувство» так

охарактеризовал последствия резкого реформирования русской культуры, которое было начато в середине XVII века патриархом Никоном и с новой силой продолжено на рубеже XVII–XVIII веков Петром I: эти реформы «раскололи русских на два народа, каждый со своей культурой, – на мужика и на барина»². Во второй половине XVII века признаки такого культурного раздвоения еще только зарождались: боярыня Федосья Прокопьевна Морозова и протопоп Аввакум, окольный Федор Михайлович Ртищев и юродивый Афанасий, царь Алексей Михайлович Романов и духовный отец протопопа Аввакума инок Епифаний принадлежали к одному «народу», говорившему, в широком смысле, на одном языке и читавшему одни книги. Но уже к началу XVIII века пути «барина» и «мужика» стали зримо расходиться, языки, на которых они говорили, делались все менее понятны один другому, и книги, которые они читали, стали разными. С этого момента народная культура (культура «мужика») делалась все более чуждой, непонятной и неинтересной «барину», представителю господствовавшей культуры. Между тем в народе продолжали читать, сохраняя старинные рукописи и создавая их новые списки, пользуясь старопечатными изданиями и изданиями новейших типографий, такие памятники древнерусской словесности, как Прологи и Хронографы, творения таких раннехристианских авторов, как Ефрем Сирий, Василий Великий, авва Дорофей, продолжали переписывать жития византийских и русских святых, «хождения» в Святую Землю и т. д.

Епископ Геронтий (1877–1951), в миру Григорий Иванович Лакомкин, был типичным представителем русского народа. Он родился в деревне Большое Золотилово Нерехтского уезда Костромской губернии. Его предки, простые крестьяне, жили в Золотилове по крайней мере с XVII века, а дед, отец и старший брат последовательно служили здесь старообрядческими священниками. В 1906 году, вскоре после Высочайшего манифеста 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», сан священника принял и Григорий Лакомкин. В 1912 году он был избран епископом на Петроградско-Гверскую епархию, где и подвизался в течение 30 лет, проявив выдающийся талант организатора, общественного деятеля и проповедника. За время его архипастырской деятельности в епархии было построено и перестроено около 20 храмов, создано более 15 училищ церковного чтения и пения, организовано Братство имени протопопа Аввакума, основан монастырь [1].

В 1932 году, в ночь с 13 на 14 апреля, после великопостной службы «Марьино стояние», епископ Геронтий был арестован ОГПУ и приговорен к 10 годам лишения свободы. Вместе с ним были арестованы все духовенство Успенского храма на Громовском кладбище и бывшие на

службе прихожане, всего 160 человек, включая подростков [3: 95–190], [6]. Свой срок в ГУЛАГе владыка избыл до конца, сменяя по воле начальства один концентрационный лагерь на другой. Вишерлаг, Саровлаг, Ветлаг, Севжелдорлаг: о пребывании здесь он написал впоследствии воспоминания, озаглавив их как «Краткое описание десятилетия вне свободы».

«На машине (черный ворон) я был быстро представлен в Шпалерку. Там опять снова обыски. Там я увидел много знакомых. Быстро все были размещены, и я оказался в одиночке. Камера была 6–7 квадратных метров, в ней и уборная, и кран для умывания, отопление центральное.

Я полагал, что это была какая-то ошибка, не чувствуя за собой никакой вины, и что меня должны через 2–3 дня выпустить, а особенно к воскресенью. Но прошло воскресенье, 5 недель поста, и Вербное пришлось пробовать, думая, неужели мне придется и Пасху быть вне свободы? Да, пришлось быть. <...>

Давно у меня была мысль и желание, чтобы найти время и уединение, чтобы закончить свой пост и затвор пострига. По уставам, после пострига во иночество в особом затворе нужно быть или 40 дней, или 8 дней. 8 дней я отбыл, а за 32 дня считал я себя в долгу. Вот я, обдумав, и понял, что Сам Бог дал мне эти дни для этого. С первого дня начал я по два правила ежедневно молиться, и больше, но, к сожалению, только поклонами и молитвами. Книг никаких у меня не было. Но некоторые дежурные не позволяли молиться. Я им доказывал, что это моя гимнастика. Немало было с ними спора и пререканий. Лестовка и крест были отобраны. Из спичек я сделал крестик и на груди и на рубашке огарком спички написал крестики, а лестовку сделал из полотенца: *оторвал кромку вдоль и навязал узелков 50 штук – это было поллестовки* (здесь и далее курсив мой. – Н. П.). Но это изобретение часто отбирали. От полотенца осталась только ленточка. Но было еще одно полотенце в запасе. <...>

На Страстной, вспоминая все песнопения и чтения, очень было не легко быть лишенным свободы. О, как приятно было в душе пропеть: «Чертог Твой, Спасе, вижу мой украшен...». А в четверг, великий пяток и субботу неописуемо рвалась моя душа и сердце на свободу, но сознавая: а как раньше христиане еще больше терпели. Да, так, видимо, угодно Богу. За всё слава Богу!» [3: 351–352].

Умение отнестись к одиночной тюремной камере как к иноческому затвору – это ли не высшее проявление христианской свободы, дарующей человеку возможность в любых условиях сказать: «Слава Богу за всё!» И еще одна особенность привлекает в процитированном отрывке: владыка вспоминает, как он изготовил из обрывков полотенца самодельную лестовку взамен отобранной надсмотрщиками. Точно так же в 1675 году, оказавшись в боровской земляной тюрьме, поступили боярыня Морозова и ее младшая сестра Евдокия Урусова. В Житии боярыни Морозовой, написанном ее родным братом Федором Прокопьевичем Соковниным, читаем такое свидетельство:

«А лествиц, сиречь чоток, не бе у них – и то мучители отняли. И мученицы *навязали пятьдесят узлов ис*

трепци и по тем узлам, аки по небесовосходной лестнице, обе напеременах молитву Богу возсылали» [5: 169].

Без сомнения, епископ Геронтий хорошо знал Житие боярыни Морозовой, и его находчивость, проявившаяся в «навязывании узелков» для самодельной лестовки, скорее всего, ориентировалась на это знание. Но совершенно ясно и то, что здесь мы имеем дело не с литературным влиянием, а с поведенческим стереотипом, зафиксированным обоими текстами, – Житием и Воспоминаниями.

Вернувшись из лагерей в 1942 году, в момент сталинского церковного послабления, продиктованного обстоятельствами войны, владыка Геронтий возглавил Ярославско-Костромскую епархию (после разгрома в 1932 году Ленинградско-Тверская епископия прекратила свое существование: храмы были взорваны, люди рассеяны по лагерям) и одновременно стал исполнять обязанности помощника архиепископа Московского Иринарха, поскольку старообрядческих епископов к тому времени на свободе оставалось только двое. 7 июня 1951 года епископ Геронтий скончался и был погребен на Рогожском кладбище в Москве. Перед смертью владыка Геронтий написал Духовное завещание. Через 40 лет оно было опубликовано в старообрядческом журнале «Церковь»³.

На Руси культура духовных завещаний церковных иерархов ведет свое начало от грамоты митрополита Киевского и всея Руси Киприана (1336–1406)⁴, который за 4 дня до своей кончины «написа грамоту незнаему и страннолепну, яко прощальную» и заповедал прочесть ее «велегласно» при своем погребении. Под влиянием завещания митрополита Киприана развивалась последующая традиция этого жанра: как говорит летописец, «по отшествии сего митрополита и прочии митрополити рустии и доньне, преписывающе сию грамоту, повелевают в преставление свое, в гроб въкладающеся, тако же прочитати в услышание всем»⁵. Помимо завещания митрополита Киприана, до нас дошли духовные завещания митрополита Киевского и всея Руси Фотия (?–1431)⁶, митрополита Московского и всея Руси Макария (ок. 1482–1563)⁷, патриарха Московского и всея Руси Иова (ок. 1525–1607)⁸, патриарха Московского и всея Руси Иоасафа II (?–1672)⁹, митрополита Новгородского, будущего патриарха Московского и всея Руси Питирима (?–1673)¹⁰, митрополита Рязанского и Муромского Илариона (?–1673)¹¹, патриарха Московского и всея Руси Иоакима (1621–1690)¹², патриарха Московского и всея Руси Адриана (1627–1700)¹³.

Анализ названных духовных завещаний показывает, что, при наличии индивидуальных черт, в каждом из них обязательно присутствуют традиционные элементы. Вводная часть начинается с обязательной формулы «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» (вариант: «Во имя Свя-

той и Животворящей Троицы»); традиционно также упоминание о том, что автор пишет свое завещание «целым умом», к этому часто прибавляется описание страданий вследствие старости. Обязательной частью древнерусских святительских завещаний было исповедание веры того, кто писал духовную, и испрашивание им прощения собственных прегрешений с одновременным прощением грехов своей пастве [4].

«Во имя Святыя и Живоначальныя Троица. Аз грешный и смиренный Киприян митрополит смотрих, яко постиже мя старость, впадох бо в частыя и различныя болезни, имиже ныне сдержим есмь <...> достойно разсудих, якоже в завещании некая потребная мне отчасти писанием сим изъясвити», –

так начинал свою Духовную митрополит Киприан¹⁴. А вот начало Духовного завещания епископа Геронтия:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Аз, многогрешный и смиренный старообрядческий епископ Геронтий Костромской и Ярославский, проживающий в Москве, Рогожский поселок, д. 40, кв. 89, исполняющий должность помощника Старообрядческого Архиепископа, находясь в здравом уме и твердой памяти 7/20 октября 1950 г. свидетельствую перед Богом, что по добровольному своему желанию написал своею рукою следующее мое к вам духовное завещание. Из имущества у меня есть только святые книги, приобретенные мною, которые все жертвую во св. Покровский храм, что на Рогожском кладбище, в библиотеку св. храма...» [3: 372].

Мы видим, что формуляр начальной части завещания мало изменился со времен митрополита Киприана.

Далее епископ Геронтий сообщает, что к написанию Завещания его подвигло предчувствие близкой смерти:

«Все мы знаем, что нам всем сам Бог завещал через св. прав. Иисуса сына Сирахова, говоря: “Во всех делах твоих помни о конце твоём и во веки веков не согрешись” (кн. Сираха 8, 39). Это значит: всегда будь готов к переходу в загробную жизнь. В течение моей жизни мне неоднократно много приходилось переживать моменты, грозящие прекращению моей жизни, особо были ярко напоминающие смерть. Это было в 1949 году дважды при бывшей моей болезни, и на 15/X – 1950 г. было воспаление легких, температура всю ночь была 39,6 и 40, близок был и конец жизни, да еще и совпал день кончины дорогой старицы Веры Ивановны 7/20 октября, которая в тяжелые переживания приютила меня во свое жилище, не имеющего где главы подклонити. Я и решил в этот день, пока жив, написать это краткое мое духовное вам завещание. Вот, дорогие мои, слезно пишу всем, всем вам, и присутствующим и не присутствующим, это мое духовное предсмертное завещание, мою сердечную к вам просьбу, мой старческий вопль от искренности души и неопишуемой моей к вам любви»¹⁵.

Логичность подобного фрагмента в содержании Духовного завещания епископа Геронтия не освобождает нас от необходимости заметить, что раздел о предсмертных предчувствиях и о старческих страданиях составляет традиционную часть жанра духовного завещания (см. у митрополита Киприана), которую, как видим, не миновал и владыка Геронтий.

Неотъемлемой частью святительского завещания вплоть до начала XVIII века было исповедание веры, своего рода примета «завещательного характера» текста [4]. В Духовном завещании епископа Геронтия таковой раздел отсутствует; однако сохранилось Исповедание веры владыки, принесенное им при рукоположении во епископа, написанное его рукой¹⁶; оно воспроизводит текст Никео-Цареградского Символа веры, и сам факт его наличия при епископской хиротонии XX века говорит о сохранении старообрядческой Церковью древнерусской традиции включать в чин возведения на степени духовной иерархии исповедание веры поставляемого, основанное на полном тексте Символа веры¹⁷.

Просьба автора завещания о прощении его собственных согрешений с одновременным дарованием своего прощения всей пастве составляет неотъемлемую часть содержания духовных грамот. Присутствует этот раздел и у епископа Геронтия:

«Главное же мое завещание следующее: Дорогие иерархи и священнослужители, а также и вы все, дорогие братья и сестры христиане! Обращаюсь ко всем к вам и сердечно первым долгом прошу смиренно у всех вас христианского прощения. Простите меня за все мои грехи, живя в лености и слабости. Простите меня за все мои согрешения словом и делом, волею и неволею. Их было очень и очень много – без числа согреших. Не судите мя и не зазрите мя, – пишу со слезами и прошу всех, всех: во всем простите мя Господа ради. Особо прошу дорогих иерархов, духовных лиц и моего духовного отца, слезно прошу во всех моих грехах, во всех – от юности и до старости, яже по крещении согреших, и яже в сане иерейства, и в сане святительства, и в сане пострига иночества, яже помню и не помню. Слезно пишу моею рукою и каюсь пред Богом и пред вами и всех прошу: простите мя и благословите и помолитесь о мне, многогрешном епископе Геронтии» [3: 372].

Дарование же пастырского прощения в завещании епископа Геронтия облекается в последнее наставление пастве, которое и составляет главное содержание его Духовной.

«Вот, дорогие мои, слезно пишу всем, всем вам, и присутствующим и не присутствующим, это мое духовное предсмертное завещание, мою сердечную к вам просьбу, мой старческий вопль от искренности души и неопишуемой моей к вам любви, прошу и умоляю вас в следующем:

Запишите вы в вашей памяти, во-первых, указанное выше изречение из книги Иисуса сына Сираха (8, 39). Затем умоляю вас всех и прошу: не забывайте данные вами священные обеты при св. крещении. Затем прошу вас: не забывайте две великие заповеди Божии, как и сказано нам во св. Евангелии: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею, и всем разумением твоим... и возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Матф. 22, 37, 40, зач. 40, зач. 92; Марка 12, 30–31, зач. 56; Луки 10, 29, зач. 23). <...>

Слезно умоляю и сердечно завещаю вам: твердо и неизменно соблюдайте святую правую веру нашу, ибо она есть правая и истинная. Счастливые вы, что пребываете в ней, как и апостол нам заповедал, говоря: “Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь, вся вам лю-

бовию да бывает” (1 Кор. 16, 13–14), – но не забывайте, что при истинной и правой вере нужны и добрые дела, ибо вера без добрых дел мертва (Иаков 2, 20). Помните, дорогие, что мы веруем во св. соборную и апостольскую Церковь, Церковь Христову, и пребываем в той правой старой вере, в которой были св. угодники Божии, почему нас в отличие от других и называют староверами. И мы сохраним те св. предания и старые обряды, в каковых пребывали все угодники Божии нашей страны. Вот поэтому нас и называют старообрядцами. Наши предки за нашу св. старую веру и за св. предания и старые обряды терпели неисчислимые гонения, и тысячи их были замучены и пролили свою св. кровь за правоверие Христовой Церкви и сподобились быть причисленными к лику святых угодников Божиих освященными соборами нашей св. Христовой Церкви. Об этом ясно указано и в календарях наших 1946 и 1949 г.

Слезно умоляю, прошу и даю отеческое мое завещание, чтобы в каждой семье был мир и любовь. Чтобы дети почитали родителей своих, сознавая, что если кто хочет быть счастливым и во благополучии, то почитай отца и мать свою, как и говорит 5 заповедь Божия. А родители – не раздражайте чад своих. Основание на это – смотрите Книги премудрости и Притчи Соломоновы и кн. Иисуса Сына Сирахова. Прочитайте их со вниманием, а также и другие св. книги. <...>

Не забывайте праздничных и воскресных дней (выходных), в них непременно нужно приходиться на общую церковную службу – Всенощную и Литургию. В церкви Божией стойте со страхом и в особом благоговении, без разговоров, как на небе. Без окончания службы не уходите из св. храма. На подаяние во св. храм и бедным не скупитесь. А дома ежедневно всегда молитесь утром, и на сон, и днем, а также перед пищею и после пищи, как указано во св. книгах (прочитайте в календарях за 1946 и 1948 гг.).

Молитвы совершайте не спеша, с особым благоговением <...> ибо молитва есть святая беседа с Богом и его святыми, молитва есть возношение ума и сердца к Богу. Не забывайте в молитве: пред кем стоим, кому кланяемся, о чем молимся, сознавая себя смиренно, как грешный мытарь, дабы услышана была ваша молитва, пение и чтение. При молитве нужна лестовка и подручники.

Когда-то писали предсмертное свое духовное завещание преп. Ефрем Сирийский (его твор., часть 7, стр. 201–220), преп. Феодора (Четь-миная, сент. 11, стр. 252) и др. лица. Вот и я – повторяю – решил перед кончиною своею, кроме бывших моих поучений, собственноручно, слезно написать сие предсмертное мое завещание и прошу за это: не зазрите мя многогрешного. Мое предсмертное духовное завещание есть искренний призыв всех ко спасению души, призыв к Богу, призыв к небу, призыв к небесным обителям».

Напряженное духовное внимание, отразившееся в этом, казалось бы, простом тексте, в высшей степени очевидно. Оно является выражением того животворящего Духа, который, в отличие от буквы, как сказано, животворит, а не мертвит (2 Коринф. 3: 6) и который не позволяет превратиться личному высказыванию в проявление всего лишь омертвелой традиции.

Столь же сильно насыщено животворящим Духом и пожелание «спастись» (удостоиться спасения души), адресованное епископом Геронтием своей пастве.

«Осмеливаюсь обратиться к вам, дорогие святители Божии и все священнослужители, иночествующие

и церковнослужители. Вы хотя и сами хорошо знаете пути спасения, но я слезно и смиренно, по-братски, обращаюсь к вам и умоляю вас о спасении души, слезно зываю к вам:

Спаситесь, сопредстольницы святительства моего, спаситесь все. Прославьте жизнью вашу нашего Всевышнего Бога и св. Церковь. Спаситесь, св. храмы Божии моя епархии и все наши св. храмы нашей св. Христовой Церкви. Спаситесь, и св. трапезы и жертвенники Божии, на нихже аз окаянный многи молитвы сотворях и бескровныя жертвы приносих. Спаситесь, престолы Божии и св. алтари Бога Вышнего, чтобы бескровная жертва была вовеки до второго пришествия Твоего, Христе.

Слезно прошу и умоляю вас и призываю: Спаситесь, все иереи Божии и дьяконы Церкви моя епархии и всея св. Церкви и всея соборные Церкви. Спаситесь, клирицы, чтецы, и певцы, и певицы, и весь священнический и церковный чин, с плачем пророка Иеремия умоляю всех вас, дабы в лице каждого и каждой из вас видеть членов ангелов среднего чина ангельского хора, хора Божия, хора, вечно славящего Бога. О, друзи мои, свято совершайте дело вашего служения, учтите, что вы подобие имущие средних чинов ангельских, учтите, что пение это особо святое дело, особая святая молитва, озаряющая и возжигающая горение христианских сердец, бывающих во св. храме, не гасите этого неоценимого света, этого Божьего дара, Божьего таланта, Божьей славы. Усиленно трудитесь, дабы и вам быть увенчанными от Бога нетленными венцами вечной славы Божьей. Пойте, пойте Богу, пойте разумно, пойте, чтобы пение ваше было угодно и Богу, и Его святым.

Спаситесь, духовные мои чада, сыны и дочери, услышьте последний мой отеческий глас, старческий вопль, голос особо пламенно любящего вас духовного отца. Моя болезнь и забота о вас больше, чем плотского отца о детях своих, ибо Бог за вашу погибель възщет от крови моя, как говорит пророк Иезекииль. О горе мне, ох, увы мне грешному! Пророк Иеремий горько плакал о согрешающих израильтянах. А я должен больше плакать о вас, кто не слушал меня и моих слов поучения. О, кто даст главе моей воду и глазам моим источник слез, и плакал бы я день и ночь о вас, дорогие чада мои, это те, которые погрязли во грехах (Иерем. 9, 1). Утешьте меня, старца, вашим послушанием, избавьте меня вечных наказаний, оботрите слезы плача на очах моих вашим добрым ко мне послушанием и молитвами, дабы я смело мог предстать пред Богом и сказать: «Господи, вот я, вот и дети, сыны и дочери мои!» Я слезно жажду видеть в лице вас наследников и наследниц небесных обителей.

Спаситесь, друзи мои и сродники мои, и весь чин дома моего, и все послужившие и служащие мне, грешному. В лице служащих я видел более и лучше, чем плотских детей. Неисчислимы их труды, неоценимы их переживания и услуги. О, дорогие! Господь сторицею вам воздаст, а я не в силах вас отблагодарить. Вечно обязан молить Бога за вас, жажду, чтобы Господь воздал вам сторицею Его неописуемыми наградами и Его милостями в вечной жизни.

Спаситесь все, иже во власти сущии и всё христолюбивое воинство, ибо Церковь Божия о вас прежде всех совершает моления, прошения, благодарение за всех человек, дабы была жизнь для всех мирная, тихая и безмятежная во всяком благочестии и чистоте (1 Тим. 2, 1–4).<...>

Спаситесь, вси иночествующие, архимандриты и игумены и игуменши, иноки и инокини, схимники и схимницы и черноризцы, и всякая дающая обеты и имеющие послушание. Умоляю вас: неослабно трудитесь во всяком чине и звании.

Спаситесь, Церковь Божия! О, Господи! Молю Тя, утверди Церковь Твою, укрепи, расшири, умножи, умири и непреобориму адовыми вратами во веки сохрани шатания языческого, от ереси спаси и всяких распрей и раздоров. Силою Святаго Духа соблюди в полном благоверии и чистоте веры».

В этом тексте, поразительном по силе духовной наполненности, проявилось, без какой бы то ни было намеренной архаизации, естественное развитие принципов древнерусской эпидейктики. В органичности такой стилистики в устах владыки Геронтия убеждает стиль других его писаний, в том числе и цитированных выше Воспоминаний. Епископ Геронтий жил погруженным в мир духовных понятий, и в этом, прежде всего, проявляется свойственный его стилю дух древнерусской ментальности. Священное Писание для него – мерило жизни, и потому столь часты в его Завещании открытые и скрытые отсылки к книгам Ветхого и Нового Заветов.

Обратим внимание на следующий, намеренно пропущенный мною при вышеприведенной цитации, фрагмент, чтобы рассмотреть его пристальнее (он следует за обращением к «во власти сущим»):

«Спаситесь, все людие *вернии и невернии*, ибо и об них молимся, как говорится: *иже суть вернии, да будут вернейшии, иже суть неразумивши, Ты, Господи, вразуми их, а неверных обрати, Господи, на христианство* и на спасение. Спаситесь, *все находящиеся в разных бедах и напастех, в темницах, в пленениях, во оковах и во всяких ведомых и неведомых обстоятельствах*. Молю Тя, Господи, о всех их, о их спасении».

Из глубины веков идет церковная мольба о спасении всех людей, «верных и неверных». Впервые на Руси мы сталкиваемся со свидетельством о ней в молитве «за вся крестьяны» основателя Киево-Печерского монастыря преподобного Феодосия Печерского (?–1074):

«Владыко Господи человеколюбче! *Иже суть вернии, Господи, утверди я, да будут вернейши того. Иже суть неразумливши, Ты, Владыко, вразуми я. Иже суть погани, Господи, обрати я на христианство, и ти будут братья наша. Иже суть в темницах, или в оковех, или в нужи, Ты, Господи, избави я от всякой печали. Иже суть в затворех, и в столпех, и в печерах, и в пустыни, братья наша, Ты, Господи, подаждь им крепость к подвигу*»¹⁸.

Вряд ли епископ Геронтий был знаком с молитвой преп. Феодосия Печерского. Скорее всего, в этом случае он опирался на текст иерейской молитвы, известной русским Часословом с древнейших времен («*Иже суть Твои вернии, Господи, утверди я, да будут вернейши того. И яже суть неразумни, да и ти будут разумни. А иже суть погани, обрати я, Господи, да и ти будут братья наша...*») [2: 184, прим. 2]¹⁹, об этом говорит, как нам представляется, косвенная ссылка на эту молитву в его тексте: «...и об них *молимся, как говорится: иже суть вернии, да будут вернейшии...*». Очевидно, к молитвенному тексту

Часовника восходит и молитва преп. Феодосия Печерского. Нам важно отметить, что для старообрядческого архиерея из народа, жившего в XX веке, оставались актуальными нравственные установки русского христианина XI столетия, вербализуемые сходным образом.

Помимо сохранения нравственных тем, обращает на себя внимание сохранение поведенческих стереотипов с их сходной мотивацией. Когда мы слышим, какими словами епископ Геронтий наставляет паству благочинно вести себя в храме: «В церкви Божией стойте *со страхом* и в особом благоговении, без разговоров, как на небе. <...> Не забывайте в молитве: *пред кем стоим, кому кланяемся, о чем молимся*», – на ум приходит другая параллель из Поучения преп. Феодосия Печерского:

«Входяще в церковь <...> с великою боязнию и с *страхом* стати безмолвно при стене <...>. Ангелы бесплотныя видеша пророки поюща и поклоняющася и Богу хвалу воздающе с престоанием. Нам же кацем быти достоин, сподобившимся с ангелы Богу невидимому служити и престоати, от негоже мзды должныа чаем! Ть бо съевсть сердца наша, *кого делея пристоим* в святей церкви»²⁰.

Следует отметить и органичное сохранение в языке епископа Геронтия отдельных элементов речевой стихии старорусского языка: равноправное употребление личного местоимения в форме как «аз», так и «я», вкрапления аориста среди современных глагольных форм («жертвенники Божии, на *нихже аз* окаанныи многи молитвы *сотворях* и бескровныя жертвы *приносих*»), «простите мя и благословите»), использование относительных местоимений «иже» и «яже» («все, *иже* во власти сущии»), «во всех моих грехах <...> *яже* по крещении *согреших*»).

Непривычным на первый взгляд представляется употребление императивной формы глагола – «спаситесь» – при пожелании спасения души: «*Спаситесь*, сопрестольницы святительства моего, спаситесь все...» Но оно останется таковым только до тех пор, пока мы не вспомним

фразу из Послания «стаду верных» протопopa Аввакума: «*Спаситесь*, светы мои, от рода сего строптиваго и нас в молитвах своих поминайте, а мы о вас должны»²¹. Становится очевидным, что в языке народа вплоть до середины XX века продолжал жить этот словесный оборот, характерный для старорусского языка времен протопopa Аввакума.

К стилистике времен Аввакума отсылает нас и «оханье» епископа Геронтия: «О, горе мне, *ох*, увы мне грешному!» Вспомним Аввакумовские «охи», присутствующие в разных писаниях протопopa: «*Ох, ох, ох* души, отвсюду утеснившейся, моей!»²² или «оханье» княгини Евдокии Урусовой в письмах ее из тюрьмы сыну «Васеньке»: «*Ох*, возлюбленной мой, как не вижу пред очима своима тебя... *Ох*, мой любезной Васенька, не видишь ты моего лица...»²³. Об Аввакуме напоминает и следующая стилистическая конструкция в речи владыки Геронтия, обращенной к его духовным чадам: «Духовные мои чада <...> *Утешийте меня, старца*, вашим послушанием, избавьте меня вечных наказаний, оботрите слезы плача на очах моих». Как близок этот оборот к построению Аввакумовой фразы, адресованной боярыне Морозовой: «Чадо церковное, чадо мое драгое, Федосья Прокопьевна! Провешай мне, *старцу грешну*, един глагол, жива ли ты»²⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивает владыка Геронтий свое Завещание словами: «Всех прошу сугубо молиться за меня. А я – за всех вас». И в этой концовке снова слышится аввакумовская нота. В свое время протопop Аввакум так закончил свое Житие: «Пускай раб-от Христов веселится, чтучи; а мы за чтущих и слушающих станем Бога молить. Как умрем, так оне помянут нас, а мы их там помянем» [5: 106]. Такая переключка через века показывает нам образец живой связи времен, которую старообрядцам удалось не прервать в тяжелых испытаниях истории, опираясь на дух древнерусской литературы после Древней Руси.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 РИБ – Русская историческая библиотека.
 РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–2015. Т. 1–19.

² Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. очерк и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга. М.: Мосты культуры, 2010. С. 51.

³ Духовное завещание епископа Геронтия (Лакомкина) // Церковь. 1992. № 2. С. 12–17. В новейшее время переиздано: [3: 371–378].

⁴ Опубликована: Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857. Т. 1. Стб. 544–547; ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5 (Софийская I летопись). С. 254–256; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8 (Воскресенская летопись). С. 78–80; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 (Степенная книга). С. 441–444.

⁵ См.: ПСРЛ. Т. 8 (Воскресенская летопись). С. 80.

⁶ См.: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6 (Софийская II летопись). С. 144–148; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 (Степенная книга). С. 483–488.

- ⁷ См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 328–331.
- ⁸ См.: Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. Новикова. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 107–125; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2. № 82. С. 179–186.
- ⁹ См.: Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. С. 337–352.
- ¹⁰ См.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3 (Краткий летописец Новгородских владык). С. 193–197.
- ¹¹ См.: Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820. С. 135–140.
- ¹² См.: Древняя российская вивлиофика / Изд. Н. Новикова. 1-е изд. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111–113; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 467–477; Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879. С. 102–139.
- ¹³ См.: РНБ, Соловецкое собр., № 871/981, конец XVII – начало XVIII века, л. 490–498 об.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 5. С. 254–255.
- ¹⁵ Там же. С. 373.
- ¹⁶ Факсимиле опубликовано: [7: 202].
- ¹⁷ См.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. Ч. 1 (РИБ. Т. 6). С. 101–110.
- ¹⁸ Поучения и молитва Феодосия Печерского (подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Поньрко) // БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 452 (древнейший из дошедших до нас списков молитвы датируется XIII веком, см.: [2: 164, 184]).
- ¹⁹ Древнейший из известных на сегодняшний день списков датируется XIII веком.
- ²⁰ Поучения и молитва Феодосия Печерского. С. 438–440.
- ²¹ Сочинения протопопа Аввакума (подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой) // БЛДР. СПб.: Наука, 2013. Т. 17. С. 190.
- ²² Там же. С. 219; см. также: С. 189, 190, 198 и др.
- ²³ Письма Е. П. Урусовой (подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой) // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17. С. 291–292.
- ²⁴ Сочинения протопопа Аввакума. С. 215.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В. В. Рогожское книгохранилище и старообрядческие книжники XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2010. Вып. 4. С. 450–456.
2. Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. 5. С. 159–184.
3. Зонтиков Н. А. Старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин): крестный путь святителя. Кострома, 2015. 384 с.
4. Лилиенфельд Ф., фон. О литературном жанре сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.
5. Поньрко Н. В. Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова: Тексты, статьи, комментарии. СПб., 2010. 292 с.
6. Шкаровский М. В. Из истории старообрядческой общины Громовского кладбища Санкт-Петербурга // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 219–246; 2012. № 1–2. С. 313–350.
7. Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. 852 с.

Поступила в редакцию 03.06.2019

Natalia V. Ponyrko, Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

OLD RUSSIAN LITERATURE AFTER ANCIENT RUS (SPIRITUAL TESTAMENT OF THE OLD BELIEVER BISHOP GERONTIUS (LAKOMKIN))

The article discusses the concept of “Old Russian literature after Ancient Rus”. The material of the spiritual testament of the Old Believer Bishop Gerontius, written in the XX century, shows the deep connections of the Old Believers’ works of the new time with the monuments of Old Russian literature, its motifs, subjects and genres, as well as with its artistic techniques. The spiritual testaments of the Russian church hierarchs from between the XV and the XVII centuries, the prayer texts of Theodosius of the Caves, and the messages of the Archpriest Avvakum are found in the artistic subtext of the testament and sermon of Gerontius. This is a manifestation of the living connection between the Old Believers’ literature and the Russian cultural tradition.

Keywords: Old Russian literature, Old Belief, spiritual testaments of Russian church hierarchs, prayer of Theodosius of the Caves, boyarynya Morozova, Archpriest Avvakum

Cite this article as: Ponyrko N. V. Old Russian literature after Ancient Rus (spiritual testament of the Old Believer Bishop Gerontius (Lakomkin)). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.371

REFERENCES

1. Volkov V. V. Book depository of Rogozhskoe cemetery and Old Believers’ scribes of the XX century. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)*. Moscow, 2010. Issue 4. P. 450–456. (In Russ.)
2. Eremin I. P. Literary heritage of Theodosius of the Caves. *TODRL*. Leningrad, 1947. Vol. 5. P. 159–184. (In Russ.)
3. Zontikov N. A. Old Believer Bishop Gerontius (Lakomkin): the suffering path of the hierarch. Kostroma, 2015. 384 p. (In Russ.)
4. Lilienfeld F., von. The literary genre of the works by Nilus of Sora. *TODRL*. Moscow, Leningrad, 1962. Vol. 18. P. 80–98. (In Russ.)
5. Ponyrko N. V. Three lives of saints – three human lives. Archpriest Avvakum, Epiphanius the Monk, boyarynya Morozova: Texts, articles, comments. St. Petersburg, 2010. 292 p. (In Russ.)
6. Shkarovskij M. V. The history of the Old Believers’ community of Gromovskoe cemetery in St. Petersburg. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2011. No 3–4. P. 219–246; 2012. No 1–2. P. 313–350. (In Russ.)
7. Yukhimenko E. M. Old Belief: History and culture. Moscow, 2016. 852 p. (In Russ.)

Received: 3 June, 2019